

Пролог

Письмо пришло в четверг. Оно лежало внутри другого конверта, на вид ничем не примечательного, который Рэйчел открыла не колеблясь. Оно выглядело слегка потрепанным, будто следовало причудливым маршрутом и сделало крюк, прежде чем попасть к ней в руки.

Конверт, который был внутри, теперь лежал на столе лицевой стороной вверх. Рэйчел увидела имя и адрес в прозрачном окошке, и ей вдруг показалось, что она рухнула с высоты и с огромной скоростью летит вниз. Стерлись годы, отделявшие ее от этих пяти коротких строчек и прежнюю Рэйчел от Рэйчел настоящей. Остался лишь стук сердца, забившегося сбивчиво и неровно, когда она увидела имя человека, способного в один миг уничтожить все хорошее, что было в ее жизни.

К конверту прилагалась записка, написанная размашистым почерком с завитушками. Помедлив, Рэйчел развернула ее. Несколько минут невидяще смотрела на строчки, но потом мир вокруг ожил. Вздохнув, она прочитала:

Во-первых, не волнуйся.

Он не узнает, что я его забрал. Он уехал. Я говорил со старой миссис Медоуз, и она сказала, что он уезжает работать за границу и уже не вернется. Не знаю, правда ли это, но, с другой стороны, зачем ему врать? Перед отъездом он выставил на улицу кучу черных мусорных мешков. В них забрались чайки, и мусор разметало по всей улице. Я вышел, чтобы убрать, и нашел это. Что там — не знаю. Я не открывал. Но решил на всякий случай переслать его тебе. Не знаю зачем, но, когда такой человек что-то выбрасывает, думаю, это лучше сохранить.

Надеюсь, ты здорова, и у тебя все хорошо. Я часто думаю о тебе. Жаль, что у нас не было возможности лучше узнать друг друга, но я понимаю, что тебе было бы трудно общаться со мной и не думать о нем. Но спасибо, что написала, когда наконец обустроилась. Я рад, что у тебя есть место, которое ты можешь называть домом. Надеюсь, у тебя есть и друзья, а может, даже любимый человек. Надеюсь, ты нашла силы начать все сначала.

Не чувствуй себя обязанной отвечать на письмо.

С любовью,

А.

Рэйчел несколько минут смотрела на записку. Он уехал за границу. Неужели? Она подняла взгляд на дверь книжного магазина и на миг представила, как

он входит. Его лицо и фигура так четко нарисовались у нее перед глазами, что она пошатнулась и почувствовала на горле цепкую хватку невидимой руки. Она передернула плечами, раздосадованная своей реакцией. Прошло много лет — не месяцев, а лет, — а он так ее и не нашел. А если бы нашел...

— Ты в порядке? — донесся из кресла голос Каллена.

— Да, — ответила она. — Я кое-что забыла. Присмотришь за магазином? Спустишь через минуту.

Рэйчел поднялась наверх, взяв с собой письмо, хотя не знала, что с ним делать. Встала на кухне и повернулась вокруг своей оси. Конверт с именем жег ладонь, как пламя свечи. Как же тут тесно. Негде спрятать письмо, совсем негде.

В конце концов она открыла кухонный ящик, сунула туда конверт и заставила себя забыть о нем. Причин для беспокойства нет. Всего лишь имя на конверте, к тому же давно забытое. Какой от него вред?

Глава первая

Тоби снова снились руины. Он проснулся в темноте, обливаясь потом. И лишь через несколько минут сообразил, что причиной кошмара, вероятно, была жгучая боль в ноге. Со свойственной ему наивностью, которая сводила Сильви с ума, когда они были женаты, Тоби был склонен думать, что раз прежняя жизнь осталась позади, то и угроза смерти тоже исчезла. Однако тем утром, лежа на краю незнакомой кровати, пытаясь отдышаться и дожидаясь, когда утихнет привычная боль, он понял, что ошибался, как и во многом другом.

Всему виной была эта ужасная женщина. Как там ее? Дора Маккриди. Когда накануне Тоби подъехал к коттеджу, который снимал, Маккриди выходила из соседнего дома. В саду у дома стоял знак «Продается» — она, видимо, пришла его посмотреть.

— Хороший район, — сказал он с энтузиазмом. — Думаете переехать?

Ее снисходительный смех резанул слух, и Тоби пожалел, что не промолчал. Женщина сообщила, что

ее семья — одна из старейших в регионе, а сама она занимается строительством по всему Абердинширу.

— Но я всегда питала слабость к Ньютон-Данбару, — добавила она. — Я здесь родилась и до сих пор стараюсь иногда сюда заглядывать. Это местечко могло бы стать очень красивым и оживленным, если как следует все продумать и привлечь инвесторов.

— О... а мне кажется, тут и так прекрасно, — ответил Тоби. — Особенно маяк.

Дора оглянулась, посмотрела на городок и громко вздохнула. На холме за дальним рядом домов высилась башня странного вида.

— Это уродство? Надеюсь, вы не ради него сюда приехали?

— Ну, мне тоже надо работать, — ответил Тоби, почему-то почувствовав необходимость оправдываться. — Я искал тихое местечко, и Ньютон-Данбар оказался вполне подходящим.

Женщина рассмеялась:

— Что ж, вы не ошиблись с выбором! Тише места не найти. А кем вы работаете, мистер...

Тоби уже пожалел, что поздоровался, но отделаться от нее теперь было нельзя, иначе она сочла бы его грубияном.

— Меня зовут Тоби. Холлингвуд. — Он назвал фамилию после секундного колебания. — Я писатель.

К его облегчению, по лицу Доры Маккриди нельзя было сказать, что она его узнала.

— Что ж, — продолжила она, — если собрались писать о маяке, знайте — башня в плохом состоянии. И давно всем надоела. Внутри там только жуткий старый хлам.

— А разве там сейчас не книжный магазин?

Маккриди продолжала говорить, словно не услышала вопроса:

— Вы же слышали эту историю? Архитектор маяка погиб при пожаре. Его звали Джеймс Макдональд.

— Он погиб... на маяке? — Тоби вздрогнул и невольно покосился на башню.

— Нет, нет. В большом доме. Это случилось еще в начале 1800-х, вскоре после того, как построили эту уродину. Сейчас от дома ничего и не осталось. Жена Макдональда сошла с ума, подожгла дом. А муж был внутри и сгорел заживо.

— Как в готическом романе.

— О да, — ответила Маккриди тем злорадным тоном, каким обычно пересказывают сплетни. — Руины и земля теперь принадлежат мне. Стены заросли травой, а под ней они черные как деготь. Говорят, пожар было видно за много миль, дом горел, а жена плясала на лужайке. Какой сюжет для романа, да? — Она улыбнулась.

Тоби задумался, видела ли когда-нибудь Дора Маккриди заживо горящего человека и стала бы улыбаться, если бы увидела. Он подозревал, что да, и это совсем не улучшило его впечатления о ней.

— Я пишу о другом, — ответил он.

И вот прошлой ночью, помимо обычных всполохов оружейного огня, взрывов и попыток бегства, в его снах бушевал пожар. Тоби внезапно проснулся в темноте и теперь лежал, глядя в незнакомый потолок. По опыту он знал, что сегодня уже не уснет, и неважно, что было еще только пять утра. Он встал, надел спортивные брюки и джемпер и спустился

по лестнице спящего дома. Тишина звенела в ушах. Кухня была современная, белая и минималистичная, как и все остальное в коттедже; широкая раздвижная стеклянная дверь вела на террасу, в свою очередь выходящую в сад. Он стоял, вглядываясь в темноту; его отражение в стеклянной двери подрагивало, как призрак, парящий в круге света.

Инертность всегда была его недостатком. Он не знал, что делать. Точнее, знал, но не был уверен, с чего начать. Сильви сказала, что поможет ему заключить контракт с издательством, если он напишет мемуары, но для этого нужно было решиться, ну и, собственно, что-то сделать. У Тоби гораздо лучше получалось реагировать на события и потом описывать их, помещая в нужный контекст. Но он не знал, как поместить в контекст *свою* жизнь, как описать самого себя, как сделать, чтобы другие его поняли. В последнее время он сам себя не понимал. *Что, когда, где, как, почему* — в любом журналистском материале должны быть ответы на эти пять вопросов, чтобы материал выполнял свою основную функцию. Тоби не в состоянии был ответить даже на первый, по крайней мере сейчас, когда в его голове все еще звенели отголоски множества чужих историй, многих жизней и событий. Он не смог бы уместить их в законченный отрывок из трехсот, пятисот или даже тысячи слов, но главное, боялся, что не сумеет написать эти слова с достаточным сочувствием.

Наконец ему надоело смотреть на свое отражение, и он вышел в сад, взяв с собой сумку, словно отправлялся на работу.

Занимался рассвет, хотя небо было затянуто тучами. Недавно прошел дождь, в воздухе пахло влагой. Тоби задел плечом нависшие над тропинкой кусты, и с листьев на лицо посыпались капли.

Его коттедж стоял в западном конце главной улицы Ньютон-Данбара. Впрочем, городок был таким маленьким, что главная улица оказалась и единственной, если не считать нескольких коротких ответвлений, что вели в поля или к реке, бежавшей по дну долины, на склонах которой и раскинулся Ньютон-Данбар. Он приютился в северных предгорьях Кернгормских гор, и они неровными уступами уходили вдаль по обе стороны от крошечного скопления домов и магазинчиков. Дорога шла по берегу реки Дан, змейкой огибавшей городок. Если бы Тоби сел в машину и поехал на запад, он рано или поздно очутился бы в Грантауне-он-Спей. Двинувшись на восток и переехав мост, через десять миль оказался бы в Грейт-Данбаре, более населенном и многонациональном старшем брате Ньютон-Данбара, а уже оттуда можно было попасть на шоссе А944 и А96, ведущие в Абердин.

Ньютон-Данбар был маленьким городком, спрятавшимся среди гор, безвестным и ничем не знаменитым. Единственной достопримечательностью мог бы считаться маяк, впрочем, маяком он был лишь по названию. Башня возвышалась на восточной окраине города, за небольшим рядком коттеджей и маленькой приземистой сторожкой, стоявшей у подножия холма. Тоби прочитал, что маяк построили в Викторианскую эпоху со свойственным тому времени размахом как

библиотеку для Бреколла, величественного особняка, в котором когда-то жили хозяева всех этих мест, но сейчас от дома остались лишь руины, укрытые лесами, спустившимися с окрестных холмов. Зачем владельцу большого поместья понадобился наблюдательный пункт именно тут, догадаться было несложно — с верха башни, должно быть, открывался вид на весь городок и долину с одной стороны, а если посмотреть в другую, в ясный день можно было увидеть и Грейт-Данбар.

Тоби шел медленно и сосредоточенно, держа путь не к башне, построенной несчастным Джеймсом Макдональдом, а к лесу, раскинувшемуся по обе стороны холма, на котором стоял маяк. К тому моменту, как он, прихрамывая, добрал до первых деревьев, на улице посветлело, и в сине-черных тенях под густыми кронами стали видны перепады цвета — от темного к светлому. Перед ним возник деревянный заборчик до пояса, и Тоби вспомнил, как Маккриди говорила, что этот лес принадлежит ей. Что ж, сейчас ее здесь не было. Тоби снял висевшую на плече сумку и перебросил через забор, а потом перелез сам, проклиная ногу, не желавшую слушаться, и чертыхаясь от неизбежной боли.

Для Рэйчел день начался как обычно — с громкого мяуканья Юстаса у самого уха. Она открыла глаза и перевернулась на спину. Потолок маленькой круглой спальни, оклеенный белыми обоями, выглядел так же, как все эти пять лет. Окна в башне были маленькими, утопленными в толстых каменных стенах, и даже в такой ранний час от Рэйчел не ускользнула ирония

этой ситуации: вроде бы маяк, но такой темный внутри, как будто это была чья-то странная шутка.

Рэйчел столкнула кота на закругляющиеся ступени, ведущие в крошечную полукруглую кухню. Кот достался ей вместе с маяком, но она не питала иллюзий насчет того, что может считать себя его хозяйкой. Юстас, как и башня, принадлежал Каллену Макдональду. Каллен больше не жил здесь, но быть хозяином башни не перестал. Рэйчел поставила перед Юстасом миску с едой, погладила его старую голову и задумалась, много ли времени пройдет, прежде чем коту, как и его хозяину, станет тяжело подниматься по лестнице.

Чуть позже Рэйчел спустилась по винтовой лестнице в книжный магазин, готовая к началу нового дня. Юстас следовал за ней по пятам. У подножия витой лестницы, ведущей с двух верхних жилых этажей, была тяжелая деревянная дверь, а за ней — верхний полуэтаж с балконом. Оттуда на первый этаж вела чугунная лестница, прижавшаяся к самой стене. С тех пор как Рэйчел стала управляющей книжным магазином, они с Калленом не раз обсуждали это архитектурное решение. Если маяк построили как библиотеку, почему архитектор не поместил лестницу в центре? Так в башне с непрактичными круглыми стенами было бы гораздо больше места. Сейчас его катастрофически не хватало.

Каллен и слышать не желал о переустройстве маяка. В последний раз он делал в башне ремонт шестьдесят лет назад, когда переехал сюда, и даже тогда почти ничего не изменил в комнате-пещере, где теперь хранились его любимые книги. Любовь к печатному слову